

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ



КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

О НЕКОТОРЫХ НЕДОСТАТКАХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ

Коммунистическая партия и Советское правительство всегда уделяли огромное внимание идейно-теоретическому уровню преподавания исторических дисциплин. Ряд постановлений партии и правительства преследовал цель поднять уровень исторической науки, улучшить качество преподавания истории, обеспечить создание полноценных марксистских учебников. Не удивительно, что советские историки достигли в этом направлении немалых успехов и продолжают совершенствовать свое дело, следуя директивам XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, поставившим задачу дальнейшего подъема социалистической культуры и науки, дальнейшего улучшения народного образования и подготовки квалифицированных научных кадров.

Подготовленные лучшими научными силами нашей страны, издаваемые огромными тиражами, учебники истории служат делу марксистского образования и коммунистического воспитания подрастающего поколения. Поэтому особенное сожаление вызывают некоторые серьезные пробелы и недостатки, еще имеющиеся в вузовских и школьных учебниках истории и существенным образом снижающие их идейно-теоретический уровень и познавательную ценность.

В передовой статье № 3 журнала «Советская этнография» за 1953 г. поднят вопрос, имеющий большое принципиальное значение для развития советской исторической науки в целом и советской этнографии в частности: если история общественного развития — это история народных масс, то исторические работы должны давать всестороннюю характеристику жизни народа, в частности, — характеристику его жилища, одежды, пищи, его семейного уклада и форм быта в широком смысле этого слова, его мировоззрения, народных знаний и суеверий, обрядов и обычаев¹. Иными словами, исторические работы, в частности учебники истории, должны содержать пусть краткую, но разностороннюю характеристику культуры и быта народных масс, без чего невозможно дать конкретное, живое и полное представление о жизни народа на различных этапах его исторического развития.

Отсутствие таких характеристик является крупным недостатком, свойственным всем учебникам истории как вузовским, так и школьным, хотя в различных учебниках и даже в различных их главах этот недостаток проявляется по-разному.

В некоторых учебниках характеристика культуры и быта описываемых народов попросту опускается. Таков, например, двухтомный труд «Новая история стран зарубежного Востока», изданный Московским государственным университетом в 1952 г. В различных местах этого учебника говорится о колониальной политике империалистов, «уродовавших хозяйственное и культурное развитие народов Востока» (т. I, стр. 10), о сохранении колонизаторами феодальных пережитков «в идеологии и быте покоренных народов» (там же, стр. 32) и т. п. Однако эти совершенно правильные и чрезвычайно важные указания остаются голословными, ибо в учебнике не нашлось места даже для самой сжатой характеристики культуры и быта народов зарубежного Востока. Учащимся остается неизвестным, в чем конкретно выражается культурная отсталость народов колониальных и зависимых стран, к чему именно привел колониальный гнет древнюю цивилизацию Востока, которая еще в средние века оказывала такое заметное влияние на культурное развитие народов Европы. Единственный раздел учебника, посвященный этому вопросу («Английское завоевание и индийская культура»), содержит несколько строк, касающихся упадка литературы, грамотности и художественных ремесел. Авторам учебника следовало учесть и то, что характеристика народной куль-

¹ См. «За тесное сотрудничество этнографов и историков», «Советская этнография», 1953, № 3, стр. 3—4.

туры имеет немалое значение для понимания вопросов, связанных с формированием в странах Востока буржуазных наций. Ведь именно культурная отсталость и обусловленная ею культурная обособленность различных групп населения являются одной из причин того отмечаемого учебником факта, что возникшие в колониальных и зависимых странах Востока нации «не получили и не могли получить полного развития» (т. II, стр. 29).

В большинстве учебников имеются специальные разделы, посвященные культуре данного народа на том или ином этапе его истории. Однако учащийся никогда не найдет здесь описания всего культурного комплекса этого народа — материальной и духовной культуры, хозяйственного, общественного и семейного быта. Под культурой авторы учебников, как правило, понимают только духовную культуру народа: науку, литературу, театр, изобразительное искусство, музыку, религию, в лучшем случае также иногда фольклор, народную музыку и танцы, художественные ремесла. В учебнике новой истории стран зарубежного Востока даже прямо указывается, что культурные традиции народов Османской империи проявлялись «в народном эпосе, литературе, искусстве и архитектурном стиле» (т. I, стр. 42), а в вузовском учебнике истории средних веков (изд. 1952 г., т. I, стр. 672) под материальной культурой понимаются только художественные ремесла. Отсюда — соответствующее содержание разделов, посвященных культуре. Так, например, в «Истории древнего Востока» В. И. Авдиева (изд. 1953 г.) раздел «Культура древнего Египта» включает письменность, религию, литературу, изобразительное искусство и научные знания; в учебнике В. С. Сергеева «История древней Греции» (изд. 1948 г.) раздел «Раннегреческая культура» дает описание мифологии, религии, письменности и литературы; в вузовском учебнике истории средних веков (изд. 1952 г., т. I) раздел «Средневековая культура стран Западной Европы (V—XIII вв.)» посвящен религии, литературе, театру, изобразительному искусству, науке, а также фольклору, народной музыке и театру. Следует отметить, что даже такая неполная характеристика духовного творчества народных масс выгодно отличается этот последний учебник от подавляющего большинства других, которые не уделяют этому вопросу вообще никакого внимания. Краткие сведения о фольклоре, танцах и художественных ремеслах некоторых народов Советского Союза содержатся также в т. II вузовского учебника истории СССР (изд. 1949 г.); впрочем, фольклор рассматривается здесь как «вид литературы» (стр. 197).

Если в некоторых учебниках (вернее, в некоторых их разделах) и попадаются описания материальной культуры, семейного и общественного быта, то эти описания относятся лишь к господствующим классам, к верхушке общества. Примером может служить учебник Н. А. Машкина «История древнего Рима» (изд. 1947 г.). В гл. XIII есть небольшой раздел «Изменение быта» (в середине II в. до н. э.), но в нем говорится лишь об изменениях в быту верхушки римского общества — о распространении роскоши в одежде и домашней обстановке, о появлении домашних учителей-греков и т. п. (стр. 191). Точно также в разделе «Быт и нравы римского общества I в. до н. э.» характеризуются лишь нравы высшего общества: разложение семьи, любовные похождения патрицианок, раздоры из-за богатого наследства и т. п. (стр. 338—339). Аналогичным образом в вузовском учебнике средних веков (изд. 1952 г., т. I, стр. 157—158; описываются лишь быт и нравы рыцарского общества, а в вузовском учебнике истории СССР (изд. 1947 г., т. I), где имеется небольшой раздел, посвященный изменениям в быту в XVII в., говорится только о быте господствующих слоев — боярских и купеческих домах, роскошной иноземной утвари, каретах, одежде и т. п. (стр. 468—469). Авторы учебника нашли здесь место сказать о появлении в богатых домах клеток с канарейками, но оставили учащегося в полном неведении относительно жилища, одежды, утвари и пищи широких народных масс.

Было бы неверным думать, что всесторонняя характеристика культуры и быта того или иного народа отсутствует в учебниках только потому, что советская наука не располагает данными по этой тематике. Конечно, история развития народной культуры изучалась слабо, и в этом отношении этнографы делают вину с историками в целом. Не для всех народов, не для всех исторических периодов имеются необходимые сведения о народной культуре и быте. Но в ряде случаев эти сведения — в том объеме, в котором они необходимы в учебнике, — имеются. Они эпизодически встречаются в некоторых разделах учебников (чаще при описании самых ранних ступеней исторического развития), они используются в той или иной степени в одних учебных пособиях и игнорируются в других. Так, например, данные о характере семьи у различных народов древнего Востока, содержащиеся в учебнике В. И. Авдиева, опущены в учебнике истории древнего мира для учительских институтов под редакцией В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского (изд. 1952 г.). Напротив, содержащиеся в этом учебнике подробные данные о характере древневавилонских городских жилищ опущены В. И. Авдиевым. В одном и том же учебнике сравнительно подробно описывается хозяйственный быт одного народа и ни слова не говорится о хозяйственном быте других народов. Примером может служить учебник новой истории зарубежных стран Востока, где имеется специальный раздел о технике скотоводства у монголов во второй половине XIX в. и в то же время не уделяется ни одной строки хозяйственному быту арабских кочевников, о котором имеются сравнительно полные данные. Другой пример. В вузовском учебнике новой истории (изд. 1951 г., т. I), хотя и с излишней краткостью, но все же характеризуется материальный быт французского крестьянина в XVII — начале XVIII в.: «Одет он был в домотканное, грубо окрашенное платье, обувался в деревянные сабо,

жил в деревянной полуземлянке без окон и трубы, с топорной мебелью, с глиняным полом и соломенной крышей, нередко вместе со скотом и птицей» (стр. 176); однако авторы не сочли нужным даже такой единственной фразой познакомить учащихся с бытом крестьянства других стран Европы.

Отсутствие тесного контакта между этнографами и историками и недостаточно внимательное отношение последних к этнографическому материалу являются причиной того, что даже в тех немногих, эпизодических описаниях культуры и быта, которые имеются в учебниках, нередко неточности, ошибки, устаревшие данные.

Обратимся, например, к вузовскому учебнику истории СССР (изд. 1947 г., т. I). Здесь указывается, что в XVII в. «обширное пространство от Малоземельской и Большеземельской тундр в европейской части Московского государства до нижнего течения Енисея в Азии занимали ненцы или, как их называли русские, самоеды (самодьд)» (стр. 517). Но ненцы и самоеды — не одно и то же. Понятие «самоеды» (самодийцы) значительно шире. Если ненцы в XVII в. кочевали действительно только до Енисея, то тундровые самоеды в широком смысле — значительно дальше к востоку, почти до низовьев Оленека². «Коряки и значительная часть чукчей, — говорится в учебнике далее, — были оленеводами» (стр. 519); в действительности коряки в XVII в. еще являлись «неолитическими охотниками на тюленей и моржей и рыбаками, частично перешедшими к оленеводству»³. Общественный строй монголов в XII в., характеризующийся распадом родовых отношений и сложением отношений феодальных, определяется в учебнике как «кочевой феодализм», который «отличается длительным сохранением некоторых черт родового строя» (стр. 143). Между тем очевидно, что здесь следует говорить о патриархально-феодальных отношениях: этот термин отражает процесс феодализации у кочевников значительно лучше и полнее, нежели термин «кочевой феодализм», давно оставленный нашей наукой⁴. Весьма путанно характеризуются в учебнике древние верования народов СССР. У восточных славян «долго сохранялись пережитки религии, связанные с тотемистическими представлениями. Об этом говорит, например, вера в оборотней, т. е. превращение людей в зверей. Кроме поклонения зверям, у древних славян существовало поклонение камням, деревьям, ручьям и рекам» (стр. 71). В другом месте учебника эти же культы именуются анимистическими: в XV—XVI вв. «остяки и вогулы стояли еще на низкой ступени анимизма, выражавшегося в культе деревьев, камней, птиц и зверей» (стр. 254), а культ камней у сибирских татар — фетишизмом (стр. 253). В результате учащиеся совершенно неясно, в какой исторической и логической связи находятся все эти культы, почему одни и тот же культ, например, культ камней, фигурирует то как тотемизм, то как анимизм, то как фетишизм. Впрочем, не более ясно изложен этот вопрос и в некоторых других учебниках. В. И. Авдиев в своей «Истории древнего Востока» исходит из того, что древнейшей религией всех народов является фетишизм (стр. 103—104, 283, 480, 665 и др.), а все формы примитивных религиозных представлений смешаны им воедино. Можно ли, в частности, составить сколько-нибудь отчетливое представление о развитии религиозных верований древних китайцев из такого объяснения: «Китайская религия, так же как и религиозные воззрения всех народов древности, восходит к фетишизму, к древним формам культа природы, культа предков и тотемизма, тесно связанного с магией» (стр. 665)? Известно, что истолкование фетишизма как древнейшей формы религии, в прошлом широко распространенное как за рубежом, так и у нас, в настоящее время оставлено даже буржуазной наукой, а самый этот термин чаще всего применяется для обозначения сравнительно поздних форм культа священных предметов (Африка) или же для обозначения пережитка примитивных верований в позднейших религиях (например, поклонение «черному камню» в мусульманстве).

Вызывает недоумение и трактовка, даваемая В. И. Авдиевым покупному браку у народов древнего Востока. В древней Индии, сказано в учебнике, «практиковалась особая форма брака, называемая «арша», при совершении которого жених «должен дать отцу невесты быка и корову», как говорится в законах Апастамбы. Наконец, совершенно неприкрытой формой продажи невесты был брак, получивший название «асура». О нем в законах Апастамбы говорится: «Если жених платит деньги (за свою невесту) по своему состоянию и женится затем на ней, то этот (брак) называется обрядом асура». Так возникали древнейшие формы домашнего патриархального рабства» (стр. 590—591). Таким образом, покупной брак безоговорочно рассматривается В. И. Авдиевым как источник патриархального рабства; в другом месте покупка невесты ставится рядом с долговой кабалой (стр. 51); жена и дети главы патриархальной семьи рассматриваются как его домашние рабы в прямом смысле этого слова (стр. 87 и др.). Изложенную точку зрения вряд ли можно признать правильной. В. И. Авдиев ссылается на Маркса и Энгельса, которые в «Немецкой идеологии» отмечали «имеющееся в скрытом виде в семье рабство»⁵, а также на указание Энгельса о том, что на Востоке домашнее рабство «является косвенным образом

² См. Б. О. Долгих, Расселение народов Сибири в XVII в., «Советская этнография», 1952, № 3, стр. 80 и карта.

³ Там же, стр. 82.

⁴ См. Л. П. Потапов, К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. III, 1947.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12.

составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом»⁶. Но Маркс и Энгельс называли домашними рабами не всех членов патриархальной семьи, подчиненных власти патриарха, а включенных в семью несвободных чужаков. «Существенным,— пишет Энгельс, характеризуя патриархальную семью,— является включение в состав семьи несвободных и отчужденная власть; поэтому законченным типом этой формы семьи является римская семья»⁷. То обстоятельство, что в древневосточной патриархальной семье юридическое, а нередко и фактическое положение жены и детей близко к рабскому, что домовладыка имеет право продать их в рабство, отнюдь не является основанием для создания такой конструкции, где отец является рабовладельцем, а его жена и дети — патриархальными рабами. Во всяком случае заключение брака и деторождение не могут рассматриваться в качестве источника домашнего рабства; речь может идти только о классовом перерождении патриархальной семьи в рабовладельческом обществе, иначе рядом с патриархальной теорией происхождения государства станет патриархальная теория происхождения классов.

В ряде случаев совершенно неудовлетворительны разделы, посвященные характеристике культурного общения народов, культурных взаимодействий. В первом томе вузовского учебника истории СССР культурное взаимодействие народов Сибири с русскими поселенцами в XVII в. изображается следующим образом: «Колонисты перенимали у местных жителей одежду, более приспособленную к северному климату, оружие, способ постройки жилищ и т. д. Среди русского населения распространялись туземные суеверия, вера в шаманов. С другой стороны, и коренные жители, особенно в Западной Сибири, перенимали «русский обычай» (стр. 529). В чем состоял этот «русский обычай», что именно перенимали у русских остальные племена Сибири, пагубжавшие переселенцев своими суевериями, учащимся остается неизвестным. Необходимо отметить и то прямое искажение картины формирования древнерусской культуры, которое содержится в учебнике истории СССР для IV класса средней школы под редакцией проф. А. В. Шестакова (изд. 1953 г.). «Вместе с христианством среди славян распространялась греческая культура и образованность. Византийские мастера обучали славян строить и украшать дома и церкви. Ученые греческие монахи создали славянскую азбуку» (стр. 21). Культурное влияние Византии на соседние славянские земли совершенно несомненно, но столь же несомненно и то, что у восточных славян до принятия христианства имела своя самобытная культура, что элементы византийской культуры славянами творчески перерабатывались, усовершенствовались, развивались. Не сказать этого — значит подать факты односторонне, вызвать у учащихся ложное представление, будто бы византийская культура распространялась на пустом месте, будто бы у славян до принятия христианства совершенно не было письменности, украшенных домов и т. п.

Встречаются ошибки в этнической характеристике народов. Так, например, учебник новой истории зарубежных стран Востока относит дунган к числу «тюркских» народностей (т. I, стр. 202), тогда как в действительности они представляют собой китайскую народность, хотя и впитавшую в себя, возможно, те или иные тюркские этнические элементы.

Отсутствие в учебниках сколько-нибудь достаточных характеристик конкретных форм быта постоянно приводит к одним и тем же повторяющимся неясностям. В учебнике новой истории зарубежных стран Востока часто говорится о «патриархально-феодалных отношениях», но конкретное содержание этого своеобразного общественного строя либо не раскрывается, либо раскрывается неточно. Так, в главе «Арабские страны» говорится: «В менее развитых странах (Аравия, Южный Ирак, внутренние части Алжира, Туниса и Триполи) господствовали феодально-патриархальные отношения и сохранялись сильные пережитки первобытно-общинного строя. Население, занятое кочевым животноводством и полупоселым земледелием, делилось на племена и кланы. Во главе их стояли вожди-шейхи. Пастбища и обрабатываемые земли находились в коллективной собственности племен и родовых земледельческих общин» (т. I, стр. 69). Нарисованная здесь картина общественного строя арабского кочевого и полупоселого населения (отметим, кстати, что в указанных странах имелось и вполне оседлое земледельческое население) ничего общего с феодализмом не имеет: перед нами не патриархально-феодалные, а патриархально-родовые отношения. Между тем среди большинства населения указанных стран действительно господствовали патриархально-феодалные отношения, и в учебнике следовало их точно и ясно охарактеризовать. В вузовском учебнике истории СССР (изд. 1949, т. II) не раз говорится о прикритии феодальной эксплуатации патриархальными формами (например, у казахов в первой половине XIX в.— стр. 223), но учащимся остается неизвестным, в чем конкретно заключается специфика такой эксплуатации. В первом томе этого же учебника говорится о «полупатриархальных отношениях» у народов Дагестана в XVI в. (стр. 321), но остается совершенно неясным, каковы эти отношения в целом.

Нельзя также не отметить наличия большого числа ошибок и неточностей, содержащихся в тех специальных разделах вузовских и школьных учебников, которые посвящены истории первобытного общества — области исторической науки, видное

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 451.

⁷ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 57.

место в которой занимают данные этнографии. В ряде случаев эти ошибки обусловлены тем, что указанные разделы построены без учета новых выводов науки о первобытности, в других случаях — простой небрежностью. Характерным примером может служить уже упомянутый учебник истории древнего мира для учителейских институтов под редакцией В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского, который открывается сравнительно обширным разделом «Первобытное общество». В этом разделе имеется ряд ошибок, подчас далеко уводящих от марксистской концепции истории первобытного общества.

«В трудовой деятельности людей, — утверждают авторы учебника, — первоначально преобладали инстинкты, и В. И. Ленин называл дикаря «инстинктивным человеком»⁸. Лишь постепенно элемент инстинктивности уступил место сознательной деятельности» (стр. 18). Таким образом, авторы, начетнически ссылаясь на выхваченный у Ленина оборывок фразы, ставят первоначальный труд первобытного человека — иными словами, его деятельность по производству орудий, ибо именно с нее и начинается труд, — на одну доску с инстинктивной деятельностью бобра или пчелы. Половозрастное разделение труда учебник относит то к среднему (стр. 20), то к верхнему (стр. 28) палеолиту. В качестве основной хозяйственной ячейки «эпохи матриархата» в учебнике выступает «род или (!) большая материнская семья» (стр. 36). В моногамной семье «...муж получает сплошь да рядом право взять вторую и третью жену из числа женщин, захваченных на войне» (стр. 48): жена здесь отождествляется с рабыней — наложницей, а «существующее наряду с единобрачием внебрачное половое общение мужей с незамужними женщинами»⁹ — с многоженством. Развитие тотемистических верований изображено в обратном порядке: не от представления об общем происхождении и кровном родстве человеческого коллектива с видом животного или растения к его почитанию, а наоборот: из культа животных «в процессе развития этого культа происходит постепенное выделение... какого-либо одного вида и создается представление о групповом родстве людей с данным видом животных или растений» (стр. 55). Анимистические верования, по мнению авторов учебника, «далеки от идеализма» (стр. 56), а характеристика религиозных представлений в эпоху разложения родового строя вообще не поддается пониманию: «распад родового строя приводит к тому, что наряду с поклонением силам природы появляется поклонение силам социальным, которые теперь олицетворяются в форме божеств. Вместе с тем укрепление (?) родовых отношений приводит к изменению характера культа мертвых» (стр. 57). Критикуя реакционную концепцию Леви-Брюля, авторы учебника виннут: «...идеалистической является и теория французского ученого Леви-Брюля, который, подчеркивая отличие мышления первобытного человека от современного логического мышления, не хочет понять того, что (!) это отличие обусловлено лишь примитивным характером начального человеческого опыта, слабостью развития производительных сил» (стр. 22). Но ведь этим самым авторы учебника солидаризируются с критикуемой ими теорией! Все это — далеко не полный перечень допущенных здесь ошибок и неточностей.

Подобное же положение наблюдается в школьных учебниках. В кратком курсе истории СССР для IV класса средней школы начальный этап истории человечества характеризуется следующим образом. Первые люди прятались от мамонтов и медведей «в пещерах и землянках». Они «питались кореньями, ягодами, мясом убитых животных, одевались в шкуры зверей, которых им удавалось убить». Им удавалось убить «даже такого сильного зверя, как мамонт». Прошли еще века, и люди научились «делать орудия из камня, дерева, костей» (стр. 6). В учебнике для IV класса нельзя, конечно, дать развернутую характеристику первобытно-общинного строя. Но нельзя и исказить материал. Ведь даже четвероклассник, если он вдумается в прочитанное, поймет, что, не имея хотя бы самых примитивных орудий из камня и дерева, нельзя сделать землянку, убивать животных и одеваться в их шкуры.

Аналогичные неточности в изображении первобытно-общинного строя имеются в учебнике истории древнего мира для V—VI классов под редакцией проф. А. В. Мишулина (изд. 1952 г.). Начало оседлости связывается здесь с тем, что люди «стали переходить к приручению животных, к ловле рыбы, к первобытному скотоводству» (стр. 4). Если развитие рыболовства действительно должно было способствовать оседанию первобытных общин, то в отношении первобытного скотоводства такой вывод можно сделать, только допустив высокоразвитые формы животноводческого хозяйства со стойловым содержанием скота, заготовкой кормов и т. п. Вообще, о возникновении скотоводства — проблеме очень важной и сложной — нельзя говорить мимоходом, как это делается в учебнике. Более принципиальный характер носит другая ошибка, допущенная в оценке социально-экономического строя современных отсталых обществ. «Первобытно-общинный строй, — говорится на стр. 7 учебника, — это первая ступень развития людей, через которую прошли все народы. В настоящее время эта ступень осталась далеко позади, она пройдена много тысяч лет назад. Только совсем немногие племена Австралии, Африки и Америки (например, индейцы) живут еще до сих пор в диких первобытных условиях (дикари)». Таким образом, индейцы Америки, сохраняющие еще те или иные пережитки первобытно-общинного строя, но в целом давно уже втянутые в орбиту капиталистических отношений, объявляются первобытными дикарями.

⁸ «Ленинский сборник», IX, стр. 22.

⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 66.

Нужно ли добавлять, что самое употребление термина «дикари» в отношении современных индейцев или любой другой современной народности в научном и политическом отношении недопустимо?

Серьезная ошибка в трактовке материнско-родового строя допущена в учебнике истории СССР для VIII класса средней школы под редакцией проф. А. М. Панкратовой. «Первобытная община,—говорится здесь,—вначале не имела определенного состава и легко распадалась, между тем совместное ведение хозяйства требовало прочного и постоянного объединения. Однако люди того времени не знали постоянного брака. Дети были связаны только с матерью. Поэтому общественной ячейкой стала материнская семья. Несколько материнских семей составляли род...» (стр. 5). Таким образом, в качестве общественной ячейки слагающегося материнско-родового строя выступает здесь не род, а семья; семья здесь не выделяется в результате развития рода, а, напротив, дает начало самому роду. Такое изображение исторического процесса неправильно, оно идет в разрез со всей концепцией советской науки о первобытности.

В учебнике Е. А. Косминского «История средних веков» для VI—VII классов средней школы (изд. 1951 г.) вызывает недоумение характеристика общественных отношений у арабских племен накануне образования халифата: «У них господствовал родовой строй», пишет автор и тут же добавляет: «Внутри родов не было равенства, уже образовалась родовая знать. Были богачи, владевшие большими стадами, были бедняки, ничего не имевшие» (стр. 25). Совершенно очевидно, что в данном случае нужно говорить не о «господстве родового строя», а об его интенсивном разложении, его переходе в классовое общество.

Все приведенные нами примеры можно без особого труда умножить, однако в нашу задачу не может входить рецензирование учебников истории в их полном объеме. Приведенные факты в достаточной мере свидетельствуют о том, что при подготовке учебников истории следует значительно более широко и точно использовать этнографические данные, необходимые для всесторонней характеристики культуры и быта народов на различных этапах их исторического развития.

А. Першиц

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

П. П. Ефименко. *Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени*. Издание третье, переработанное и дополненное, Изд-во Академии наук Украинской ССР, Киев, 1953.

Вышедший двумя первыми изданиями в 1934 и 1938 гг. фундаментальный труд главы советской школы изучения палеолита П. П. Ефименко — «Первобытное общество» по праву принадлежит к крупнейшим достижениям советской археологической науки.

За 15 лет, прошедшие со времени выхода второго издания книги П. П. Ефименко, советская археологическая наука добилась новых выдающихся успехов. Было открыто и изучено большое число палеолитических поселений крупного научного значения. Достаточно назвать среди них шелльские местонахождения Армении и погребение неандертальца в Тешик-Таш, позволяющие совершенно по-новому ставить проблему первого появления человека на территории СССР. Вместе с тем за последние 15 лет были исследованы многие важные вопросы древнейшей истории человечества. Работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», разоблачив псевдомарксизм построений Н. Я. Марра, поставила перед советскими историками первобытного общества задачи огромного значения, открыв вместе с тем широчайшие творческие перспективы.

Все это делало настоятельно необходимой переработку и переиздание давно разошедшегося и принесшего большую пользу труда П. П. Ефименко с тем, чтобы в новом издании были исправлены недостатки первых двух изданий и в то же время были бы обобщены и подытожены достижения советской исторической науки.

Институт археологии Академии наук Украинской ССР правильно поступил, выпустив рецензируемую книгу. Автор много поработал над ней, и новое издание, сохранив все достоинства первых двух, значительно отличается от них в лучшую сторону. В основе принадлежащей П. П. Ефименко характеристики развития палеолитического человечества лежит классическое определение первобытно-общинного строя, данное И. В. Сталиным в работе «О диалектическом и историческом материализме». П. П. Ефименко решительно отказался от марровской концепции кинетической речи и стадияльных сдвигов в развитии первобытного мышления, нашедших отражение во втором издании его книги (1938). В рецензируемой книге обстоятельно критикуются ошибки в области изучения палеолита, отражающие влияние концепций Марра и его последователей, а проблемы речи и мышления палеолитических людей рассматриваются на основе указаний Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Рецензируемая книга выгодно отличается от второго издания также тем, что в ней гораздо большее место занимают материалы по палеолиту СССР. Это не лишает книгу ее обобщающего характера, не препятствует автору исследовать и изложить наряду с древнейшей историей СССР историю ранних этапов развития первобытного общества в целом. Характеризуя переработку, которой подверг П. П. Ефименко свою книгу для нового издания, следует еще отметить значительное сокращение специально геологических глав.